Ю.С. Салин

НАША ВСЕОБЩАЯ И ВЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Звучит музыка О. Иванова:

Я песней как ветром наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой.
В сухой подорожник, в траву зверобой.
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
Но песня взлетела и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем как хлеб.
Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам
Мы хлеба горбушку — и ту пополам.
Коль ветер лавиной и песня лавиной,
Тебе половина и мне половина.
Луна словно репа, а звезды фасоль,
Спасибо мамаша за хлеб и за соль.

Еще тебе мамка скажу я верней,
Хорошее дело взрастить сыновей
Которые кучей сидят за столом,
Которые могут идти на пролом.
И вот скоро сокол твой будет в пути,
Ты крепче горбушку ему посоли (Александр Прокофьев).

...Когда англичанин перестает быть англичанином, он становится французом, итальянцем, немцем, кем угодно, когда русский перестает быть русским, он перестает быть человеком, – утверждал автор книги «Россия и Европа» Николай Яковлевич Данилевский.

Нынче на просторах России разгорается главная битва человечества за всю историю, – устоим мы перед давлением Запада и останемся русскими, или погибнем, а вслед за нами не уйти от неизбежного конца света и всем прочим народам и государствам. Сохранить душу народную можно лишь в обстановке уважения к древнейшим нормам народной культуры.

А загадочной русской душе только того и надо, что пострадать да помучиться, уверены западные почитатели Ф.М. Достоевского. Вот уж в самом деле, страданий и мучений на нашу долю выпало столько, сколько другим и не снилось. Так уж получилось, мы не виноваты…

Многое в проблеме могут прояснить изыскания знаменитого нашего диссидента – И.Л. Солоневича, совершившего в тридцатых годах побег с Беломорканала, прожившего всю войну в Германии и закончившего свои дни в Буэнос-Айресе.

К концу XV века Россия была расположена в самом глухом углу тогдашнего мира, была изолирована от всех культурных центров, но открыта всем нашествиям с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга, – (татары и турки). Эти нашествия систематически, каждые пятьдесят лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Россия не имела никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже хлеба своего ей не хватало. Она владела истоками рек, которые никуда не вели, не имела доступа ни к одному морю, если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имела никаких шансов сохранить свое государственное бытие. Однако в течение четырехсот лет она расширила свою территорию в четыреста раз – от 50 тысяч до 20 миллионов квадратных километров.

Россия – это страна, которая вела наибольшее количество войн во всей истории человечества. И какие бы незваные гости к нам ни приходили, мы считали себя обязанными хотя бы по долгу вежливости нанести ответный визит. Побывали мы и в Берлине (дважды), и в Париже, а наше многовековое противостояние с монголами закончилось в самом сердце монгольских степей.

С начала семнадцатого века и до середины двадцатого, попав в исключительно благоприятные условия, американцы «делали деньги», но, кроме денег, они не сделали ничего. Им не мешал никто. Мы за это же время пережили, если не считать Смутного времени, а до него сожжения

Москвы Девлет-Гиреем – такие «блага мира и свободы»:

Войну с Польшей за Смоленск, Полоцк и Псков, а не за Варшаву или Краков.

Войну со Швецией, которая была разбита у Полтавы, а не у Стокгольма.

Войну с Францией, которая была решена у Бородина и Березины, а не у Нанси или Парижа.

Крымскую войну, которая велась в Крыму, а не в Нормандии.

Первое германское нашествие 1914 – 1918 г. г.

Второе германское нашествие 1941 – 1945 г. г.

Основные войны – со Швецией, Польшей, татарами и турками – длились веками, это были войны на измор. И все они кончились переходом наших врагов в задние ряды текущей геополитики.

Монгольская степь поставила перед русским народом вопрос о борьбе не на жизнь, а на смерть – и поплатилась жизнью.

Плано Карпини (1246) про Киев: «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов».

Земли между Крымом и Московией в XVI веке назывались польскими, но это были не земли Польши, это было безлюдное Дикое поле.

Немецкий путешественник П.Э. Кемптен пишет: «Мы... решились основаться на реке Донец.... Мы начали пахать землю. Колосья росли вышиною в рост человека, а репа была величиной с детскую голову. Светло и радостно было для нас грядущее». Но свет померк и радость рухнула, когда нагрянули кочевники: «С криком они бросились на нас…, согнали женщин и детей в долину, связали нас, и не прошло 15 минут, как нас увезли. Что сделалось с моим отцом, с моей матерью, родственниками, знакомыми, мне не известно, потому что с тех пор я их больше никогда не видел». Через день автор этих записей был продан на невольничьем рынке в Азове.

Татары «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз» (Г. Боплан).

Захваченным набрасывали на шею петлю и, подхлестывая нагайками, безостановочно гнали по степи. Тем, кто не мог бежать за конем, перерезали горло.

«Сорокалетние сохранялись для галер, молодые мальчики – для их наслаждений, девушки и женщины – для продолжения их рода и продажи» (А. де Грамон). Старики и немощные, за которых нельзя было выручить больших денег, отдавались молодёжи, как зайцы щенкам, чтобы было на ком отрабатывать боевые приемы.

«Более сильных невольников делали кастратами, иным резали ноздри и уши, днём мучили на работе скованными, а ночью держали в темнице». Тем, кто стоял с гордо поднятой головой, выжигали на лбу клеймо – убежит (М. Литвин).

Мужчины попадали на турецкие галеры, где до полного истощения служили гребцами, прикованными к скамьям. Некоторым в конце концов удавалось вырваться на свободу, как Ермаку Тимофеевичу.

Красивых женщин поставляли в гаремы. Самой знаменитой из пленниц стала Хюррем Султан, русское имя Настуся из деревни Рогатино. Турецкое Хюррем означало Веселая.

Она сыграла огромную роль в истории. Хюррем Султан прославилась своим интеллектом, мужеством, честолюбием и гордостью. Сулейман Великолепный долгими месяцами пропадал в походах, и о событиях в столице узнавал только от нее. Письма Сулеймана выражали большую любовь и тоску по Хюррем, которая была его главным политическим советником. Образованнейшая женщина своего времени, она принимала послов, отвечала на письма иностранных правителей, покровительствовала влиятельным вельможам и художникам.

После смерти для нее построили куполообразный мавзолей рядом с мавзолеем Сулеймана. В ее честь назван город Хорремабад, который существует и ныне, в нем проживает 330 тыс. человек.

Наши потери были катастрофическими. Периодически выжигались городские центры страны, – и Курск с его трехсотпятидесятилетним запустением никак не был исключением, разорялось и разбегалось крестьянское население, лучшие элементы страны или гибли в боях или уводились в полон, и над всей страной в течение почти тысячи лет устанавливался постоянный и вызванный беспощадной неизбежностью режим военного положения.

Орда вторгалась в наши земли ежегодно. Степняки еще с весны подкочевывали со своими табунами, чадами и домочадцами к окраинам русской земли и отсюда, с ближних подступов, шли в стремительный набег уже без припасов и обозов, с одним только оружием и длинной веревкой, притороченной к седлу, – чтобы было чем связывать вереницу пленников, которых гнали, волочили впоследствии за конем.

Вся прислуга в Константинополе состояла из русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если степняки долго не чинили набегов на Русь... .

Еврей-меняла в Кафе (Феодосия) удивлялся: «Да остался ли хоть кто-то в этой земле, или она совсем опустела?».

Западная Европа ничего подобного не знала. Никакие степняки не уводили в рабство ее население. Европа тихо и семейственно резала себя сама. Руси же пришлось с первых дней своего существования бороться за голую жизнь на голой земле.

...Россия сопротивлялась набегам. Как могла.

В 1380-м году Дмитрий Донской на поле Куликовом разгромил орду Мамая. Но уже в 1382-м хан Тохтамыш нагрянул на Россию и сжег Москву дотла, лишь печные трубы возвышались над пепелищем.

1515. В плен было уведено 100 тысяч человек.

1521. Мухаммед-Гирей «увел с собой из Московии такое огромное множество пленников, что оно покажется вряд ли вероятным. Ибо говорят, что число их превосходило 800 000; отчасти он продал их туркам в Кафе, отчасти перебил» (С. Герберштейн).

1571. Одно из самых страшных нашествий. Девлет-Гирей, воспользовавшись бедами Руси – засуха, мор, война в Ливонии – снова превратил Москву в пепелище, уцелел только каменный Кремль. Более 150 тысяч человек уведены в рабство.

1717. Кубанский погром. Сераскир Бахти-Гирей взял в плен около тридцати тысяч человек.

Последний татарский набег состоялся в 1769 году.

Наши соотечественники не оставались покорными жертвами. Но что можно было противопоставить неудержимой коннице?

Мы ведь не степняки, не таежники. Мы, русские, с нашими русалками – дети речного русла. И мы брали реванш у татар на реках, устраивая в зарослях камыша засады под водой, с тростинкой во рту. Когда ордынское кочевье, обремененное богатой добычей и полоном, перехватывали на бродах летучие казачьи станицы, то грабителей настигало беспощадное возмездие. Орду вырезали тоже до последнего человека. А освобожденным полоняникам предоставлялась возможность пополнить лихую ватагу, – руку правую потешить, сарацина в поле спешить иль башку с широких плеч у татарина отсечь. Так широким неиссякающим потоком пополнялось вольное русское воинство.

Это были профессионалы более высокого уровня, чем татары. Они не были связаны семьями, не пахали землю, не выращивали хлеб и не пасли скот, не было в их куренях ни женщин, ни детей. Их единственным занятием была война. И нападений они не ждали, они нападали сами, – брали Азов и Кафу, разоряли улусы, доходили до Персии и Анатолии. Да у них, собственно, и не было выбора, ведь надо же было как-то кормиться, обуваться-одеваться. Пошли за зипунами, говорили казаки, отправляясь в отчаянный набег. В общем, орда сама вырастила себе непобедимого врага, своего будущего могильщика.

Отпетым головорезам терять было нечего. По христианскому обряду в церкви отпевали покойников. Отпетый – значит не живой. Да так оно и было. Жизнь для них кончалась, когда татарская петля захлестывалась на горле. Но вот судьба подарила шальные дни, недели, месяцы, – кто знает? Да и стоит ли их считать, это какое-то запредельное состояние, существование после смерти. Один лишь всесожигающий дух мщения, смерч возмездия, ни перед чем не останавливающийся.

В «диком поле» казак гораздо лучше исполнял свой воинский долг, защищая Родину на далеко выдвинутых рубежах. Идти навстречу опасности, подавлять врага в его логове, – таким был государственный принцип державы Российской. Поставить заслон набегам степняков на Русь, – так понимали свою задачу казаки, поселившиеся прямо в пасти дьявола.

Казачество получало от Москвы хлеб, порох, свинец и сукна, несло государеву службу, но сохраняло поначалу внутреннее самоуправление, как было заведено издревле. Всяк был сам большой, и все были равны, потому что всем одинаково грозила смертельная опасность от набегов орды. И каждому доставалась равная с другими часть во всяком дележе и от всякого прибытка.

Граница породила казачество, казаки создали Россию, – Лев Толстой.

Казачество – военно-земледельческое население на рубежах Родины. Такого общественного слоя, порожденного самой нашей историей, нет больше ни в какой другой стране. Статус казака был потомственным, он рождался военнообязанным, и должен был по первому сигналу становиться в строй с оружием и на коне.

А про ответ запорожцев турецкому султану слышали? .

Султан Мухаммед IV потребовал от

казачества сдаться. И вот как ответили запорожцы властелину половины мира. Цитирую в переводе с русского на литературный: «Ты, султан, черт турецкий и проклятого черта брат и товарищ, самого Люцифера секретарь. Какой ты к черту рыцарь, когда голой (задницей) ежа не убьешь. Черт (справит большую нужду), а твое войско пожирает. Не будешь ты, сукин ты сын, сынов христианских под собой иметь, твоего войска мы не боимся, землей и водой будем с тобой биться, (так) твою мать… Свиная ты морда, кобылиная (задница), некрещеный лоб, мать твою (далее неразборчиво)… Не будешь ты даже свиней у христиан пасти. Этим кончаем, поскольку числа не знаем и календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день такой у нас, какой и у вас, за это поцелуй в (задницу) нас.

Подписапи: кошевой атаман Иван Сирко со всем лагерем Запорожским».

...Не только казачество оказывало сопротивление татарским набегам. На высоте была и государственная политика царей московских и императоров российских.

После полного разгрома русских войск в 1571 году Девлет-Гирей потребовал от Ивана Грозного отдать ему Казань и Астрахань. Царь готов был согласиться с утратой Астрахани, но Девлет-Гирею этого показалось мало. Он считал, что может покорить всю Русь.

В 1572 году крымский владыка выступил в новый поход. Он заранее разделил русские города и уезды между своими мурзами. Под началом хана было 120 тысяч воинов, среди них 7 тыс. янычар.

Янычары были турецким спецназом, какое нынче и представить невозможно. Завоеванные христианские страны платили налог кровью, – каждые пять семей отдавали султану одного мальчика. Сначала мусульманские приемные родители обучали его языку, культуре, религии, потом в военных училищах из них делали непобедимых бесстрашных воинов, – павший на поле битвы попадает прямо в рай!

Янычары были тяжеловооруженной пехотой. Кроме того, Девлет-Гирей собирался на этот раз не грабить, а покорять, и ему понадобилась осадная техника, артиллерия, пищали и мортиры. Татары утратили превосходство кочевников над оседлыми народами в маневренности. Чем и воспользовался князь-воевода из рода Рюриковичей Михайло Иванович Воротынский, командующий пограничной стражей.

На переправе татарского войска через Оку русские войска ударили в тыл едва успевшим выбраться на левый берег колоннам. Хану пришлось развернуть свои построения и обрушить на противника всю силу. Московские ратники не выдержали удара и обратились в бегство. И бросились они к деревне Мóлоди, что в 50 километрах от Москвы, где на бугре с прекрасным круговым обзором был поставлен гуляй-город.

На нескольких сотнях телег были завезены фрагменты готовой крепостной стены из досок в полдуба. Перед стеной был выкопан глубокий ров, на который при необходимости опускался подъемный мост, – просто часть стены. Русские воины сразу же оказались внутри крепости, а татары вынуждены были преодолевать ров и затем штурмовать стены. Конница здесь оказалась бессильной, и спешившиеся всадники попали под уничтожающий огонь из бойниц гуляй-города.

Но и это было не все. С флангов на них обрушились засадные полки, а главнокомандующий под заградительным огнем вывел большую часть войск из крепости, вышел в тыл и начал громить потерявшего и строй, и управление паникующего врага.

Из огромной армии, перешедшей Оку, в Крым вернулось не больше 20 тысяч человек.

В последнее столетие существования Московское Царство, при среднем населении в пять миллионов человек, держало в мирное время под оружием армию в двести тысяч бойцов, то есть около 4% всего населения страны, около 8% мужского населения страны и около четверти взрослого мужского населения страны...

Этих людей нужно было вооружать, одевать и кормить. Для этого нужен был аппарат, который реализовывал бы воинскую повинность в любом ее варианте и собирал бы налоги – тоже в любом варианте. Для всего этого необходима сильная и централизованная государственная власть. Эта власть еще более необходима для ведения войны вообще, а в войнах не на жизнь, а на смерть – отсутствие этой власти означало бы гибель.

Залогом наших побед было всеохватное единство власти и народа. В годину серьезных угроз для страны народ поднимался, как один человек.

Московская Русь не знала деления на

«правительство» и «общество». Правительство было обществом и общество правительством. Правительством были те, кто служил, а служили все – дворяне и мужики, монахи и купцы, посадские люди и прочая публика, даже уголовные преступники. Служба была очень тяжела.

Единство нации и ее организованность не следует, конечно, преувеличивать. Как и во всех делах человеческих, люди старались получить побольше льгот и сбыть побольше тягот. Как и во всяких делах человеческих, были и злоупотребления и взятки, и просто разбой. Как и повсюду в ту эпоху, все это обильно поливалось человеческой кровью. Московская Русь никак не была раем земным. Но все-таки порядка и справедливости в Москве было больше, чем в любой стране мира в ту же эпоху. И именно поэтому Москва, а не ее соседи, оказалась, в конечном итоге, победительницей.

И если в 1480 году Испания имела в четыре раза больше людей, чем Россия, а в 1914 году населения в России было в десять раз больше, чем в Испании, то это никак не является результатом благодатного климата Испании или суровой русской зимы.

Несмотря на все ошибки и падения, идущие сквозь трагическую нашу историю, народ умел находить выход из положений, казалось бы, совершенно безвыходных. Если бы не этот национальный характер, мы были бы даже не Испанией или Польшей, а то ли улусом какой-нибудь монгольской орды, то ли колониальным владением Польши, то ли восточно-европейским комиссариатом берлинского министерства восточных дел.

Мы платили поистине чудовищную цену в борьбе за личное, национальное и государственное существование. Мало того, что это была плата кровью, миллионами жизней наших соотечественников, – налоги на содержание нашей огромной военной машины отхватывали у налогоплательщика долю до трети деньги.

А почему возникло крепостное право? И можно ли было установить в России такие же политические и экономические «свободы», как у общечеловеков?

Нет, нельзя. В стране, существование которой целое тысячелетие висело на волоске, не мог не выработаться стиль жизни по образцу военного лагеря. У нас от века не было сословия, не служащего

государству. Привилегированных не было.

Странно, что привычная практика словоупотребления редко отмечала, что дворяне – такие же крепостные, как и крестьяне. Они были обязаны по первому зову явиться на сборный пункт «конны, людны и оружны», причем все за свой счет. И чтобы воину обеспечить этот самый собственный счет, государство «испомещало» его на земле, наделяло поместьем, населенным мужиками.

Да, с мужика драли три шкуры, да, работал он сверх сил человеческих. Но и хозяину в боях приходилось не слаще, враги поблажек не давали, смерть каждодневно витала над головой дворянина на заставе и в засаде, в походе и налете, в приступе и осаде. И голодать, и замерзать ему доводилось, может, не меньше, чем его мужику, и мучиться израненному и увечному, терпеть разлуку и бесприютность.

Та же доля приходилась и на боярина, который тоже был тоже крепостным. Он был закреплен за высшей государственной службой, «исполнял должности» воеводы, полковника или дьяка. Конечно, в благополучное время его довольствие и довольство не шло ни в какое сравнение с дворянским и крестьянским, но сколько его выходило, благополучного-то? И в осаде неоткуда было взяться спецпитанию, и на приступе командир не отсиживался за спинами подчиненных.

Каковы же последствия того, что и в географии, и во внешней политике у нас все не как у людей?

Тот общественный строй, который выработала Россия за все века своего чрезвычайного положения, конечно, ничем не напоминал социальное устройство других, благополучных стран. И наша экономика, созданная в эпоху всеобщей и вечной мобилизации, никак не могла быть рыночной, она не могла быть похожей на чью угодно иную экономику.

Вечные войны, вечные потери, бесконечные лишения закалили характер, сформировали тот самый наш менталитет, который не позволяет нам нынче войти во «все цивилизованное человечество». Бережливость, систематичность, пунктуальность не могли пустить глубоких корней в нашем жизненном укладе. Зачем копить, беречь на века, зачем привязываться к бренным материальным благам, если все равно следующей весной, лишь только зазеленеет трава, придет татарин и все дотла разграбит? Даже правительство не разрешало мужику заводить житницы, хлеб надо было прятать в ямы. При первом известии о приближении врага каждый хозяин обязан был своими руками сжечь дом и все постройки, чтобы оставить нападающим выжженную землю. После этого все население окрестных деревень должно было идти в ближайший город сидеть в осаде. «Нередко плоды долголетних трудов уничтожались в один день», – пишет Н.И. Костомаров.

Понятно, что русский с детства, от века был равнодушен к удобствам, привык

переносить голод и холод, тесноту и духоту, приводя в изумление чужеземцев своим сверхчеловеческим терпением. Молодой человек, даже богатый, никогда не спал в постели, для этого существовали пол или лавка, простой же народ вообще не знал, что такое постель. Если были армии, которые лучше русских брали крепости, то в перенесении тягот осады у нашего солдата не было равных.

Нацией без потребностей называли нас пораженные иностранцы в начале двадцатого века.

Единодержавие, монархия, тоталитаризм, называйте как угодно, смысл один – неограниченная власть в одних руках, только такая форма политического управления инстинктивно принималась русским народом. Русский воин всегда шел в бой за олицетворенную государственность – или за Бога, царя и Отечество, или за Родину, за Сталина.

Анархическая натура русского мужика описана слишком многими, но не меньше циркулирует указаний и на противоположную черту его характера – готовность к подчинению, к исполнению приказов. И это порождает вопросы. Как анархия сочетается с монархией, с диктатурой и, если угодно, с тоталитаризмом? Абсолютно естественно.

Вряд ли можно найти в истории более бесшабашное сообщество, чем наши казаки. Но походного атамана, которому подчинялись беспрекословно, даже когда он посылал на верную смерть, вольные витязи выбирали всегда. При этом на казачьем круге, провозглашавшем новоизбранного руководителя, над головой атамана вешали саблю. Чтобы не забывал товарищество. Не зарывался. Иначе... И бывало, что сабля шла в ход. Или – не оправдавшего доверия «сажали в воду», то есть завязывали в мешок – и в реку.

У классического анархиста батьки Махно во время войны существовала даже собственная чрезвычайка: «Я Лева Задов, со мной шутить не надо!» И те, кто шутить пытался, раскаивались в этом, но слишком поздно. «Когда Махно находился в Гуляйполе, абсолютная власть, в том числе власть казнить и миловать, принадлежала ему одному», – пишет его биограф С.С. Волк.

Вот вам и анархия с монархией, вот вам и вольность с тоталитаризмом.

И эти социальные нормы пронизывали русское общество по всей вертикали. Начиная с низов. Основу нашей жизни всегда составляли коллективы – крестьянская община, городская артель, монашеская киновия. А сверху – царь-батюшка или генеральный секретарь с абсолютной, как у анархиста Махно, властью. На время чрезвычайного положения. А не чрезвычайного в нашей истории и не было.

И еще… Экзарх Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний Сурожский настойчиво обращает наше внимание на то, что слово

дисциплина произошло от латинского discipulus, что значит ученик. Дисциплина – это выучка. И нет на земле народа более дисциплинированного, чем мы, русские, потому что непрестанные внешние опасности устроили нам такую жесточайшую выучку, что в годину смертельной беды мы привыкли вставать плечом к плечу.

Звучит песня Б. Окуджавы:.

Здесь птицы не поют, деревья не растут.
И только мы, плечом к плечу, врастаем в землю тут
Горит и кружит вся планета, над нашей Родиною дым
И значит нам нужна одна победа
Одна на всех мы за ценой не постоим
Одна на всех мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный, но всё ж бессилен он
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш, десантный батальон
Десятый наш, десантный батальон.
Едва огонь угас, звучит другой приказ,
И почтальон сойдет с ума, разыскивая нас.
Взлетает красная ракета, бьет пулемет, неутомим.
Так значит, нам нужна одна победа.
Одна на всех мы за ценой не постоим.
Одна на всех мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный, но всё ж бессилен он
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш, десантный батальон
Десятый наш, десантный батальон.
От Курска и Орла война нас довела
До самых вражеских ворот, такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа.
Одна на всех мы за ценой не постоим.
Одна на всех мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный, но всё ж бессилен он
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш, десантный батальон
Десятый наш, десантный батальон.\

Вот что пишет Георгий Вернадский: «Если бы Русь не стала на уровень европейской техники, она попала бы в европейское рабство, сделалась бы европейской колонией. Для защиты русской самостоятельности необходимо было овладение европейской техникой. Петр это понял и на овладение этой техникой устремил все свои силы и силы всего народа. Но последователи Петровы стали воспринимать европейскую культуру не ради защиты русской самостоятельности и самобытности, а ради самой этой европейской культуры. В

этом Петровы последователи нарушили завет, который предание приписывает именно Петру: «Европа нужна нам на сто лет, а там мы можем к ней повернуться задом… Все сословия были поставлены на служебную ногу. Все должны были служить государству, начиная с самого царя. Фабриканты и купцы несли финансовую службу государству. Крестьяне содержали дворян и фабрикантов и вместе с тем были податной основой государства».

Ту же политику вел и Сталин. Крестьяне были закрепощены за колхозами – организацией идеальной с точки зрения обеспечения хлебом государства, города, промышленности и армии. Это была основа пирамиды, на которой базировалось все.

«Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинистами из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость, – доказывает А.А. Зиновьев. – Коллективизация была необходима в тех условиях, когда необходимостью стала индустриализация страны. А индустриализация сама была обусловлена необходимостью защиты страны от внешних врагов».

Если раньше у крестьянина не было права на свободный выход из общины, то и теперь колхозникам не выдавали паспортов, а без них нельзя было устроиться на работу в городе. И круговая порука была одна и та же, за подати несла ответственность община в целом, колхоз в целом... Разница была лишь одна – то, что отбирали у мужика, в советские времена использовалось на созидание государственной машины, раньше же оно шло на обеспечение роскоши и излишеств барина.

А в двадцатые годы жизнь на нашей земле снова оказалась под вопросом. Именно в это время, в ответ на свой призыв к крестьянам добровольно сдать хлеб для снабжения страны, Сталин услышал от одного мужика: «А ты попляши, парень, тогда я тебе, может, и дам пуда два». Нужны были жесткие меры. В своей речи «О задачах хозяйственников» в 1931 году Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Прогноз можно было бы назвать пророчеством. В 1941 году, если бы не было колхозов, страна неизбежно оказалась бы смятой.

Если бы единства советского народа не существовало, в тяжелые годы Великой войны народ повернул бы штыки и пошел против московского вождя, а не против берлинского фюрера.

Далее я буду излагать позицию М.И. Леденева, моего учителя в социальных науках.

Вся его жизнь, от первого до последнего дня, была посвящена России. Голодное трудовое военное детство в деревенской глубинке, отец, прошедший все пекло и вернувшийся с опаленной душой, мать, от зари до зари не щадившая себя на колхозных полях; после школы – армия, комсомол, Хабаровский железнодорожный институт, работа мастером в локомотивном депо на станции Облучье, руководство молодежными стройотрядами. И везде труд, полная самоотдача, организаторский талант, пристальное внимание исследователя. И вопросы, проблемы,

поиски. Как это случилось, что с одним топором в руках за считанные десятилетия русский мужик прошел от Великого Устюга до Охотского побережья?

Итак, М.И. Леденев: 40-е роковые. Позади четверть века советской власти: продразверстка, голод, раскулачивание, коллективизация, массовые репрессии... За что же тут стоять, во имя чего надрываться? «Колосс на глиняных ногах», – толкни и развалится. И что же? Страшнейшие удары, от которых в считанные дни гибли государства отнюдь не рабов. А «страна рабов», как называли на Западе советскую Россию, устояла.

На оккупированных территориях, когда, наконец-то, люди избавились от сталинской тирании, они что же, кричали, выпучив глаза в радостном усердии: «Хайль Гитлер!» Нет, ушли в леса, на партизанские базы, в подполье, взяли в руки оружие, – подумать только, люди, не смевшие и слова вымолвить против сталинского насилия! – пошли против Гитлера, против силы, покорившей половину мира и успешно добивавшей оставшуюся половину!

Абсурд, да и только... Если даже не учитывать безнравственность и лживость подобной позиции.

«Днем и ночью у мартеновских печей не смыкала наша родина очей». В этой строчке поэта сказано все. Но давно уже повелось от книжников в России – заглядываться на Запад, доверять чужим словам больше, чем своим глазам, слушать с раскрытым ртом рассказы о нас какого-нибудь «проезжающего по Московии» француза.

Что ж, послушаем и мы свидетельства француза. Леон Кюффо, бригадный генерал, летчик легендарного полка «Нормандия-Неман»: «Я хочу воссоздать в памяти ту эпоху, воскресив период нашего отдыха в тылу, в городе Туле... Жители города быстро оправились от последней кровопролитной героической обороны и с чисто русским фанатизмом, способным заглушить боль самых глубоких ран, извлекали пользу из полученных уроков... Фронт был недалеко, и люди мужественно и достойно переносили все трудности, выпавшие на их долю. Каждый советский человек, все, кого мы знали, какую бы работу он ни выполнял, какой бы пост ни занимал, жил с абсолютной уверенностью, что он лично ведет патриотическую войну против немецких захватчиков. И каждый хотел занять в ней свое место. Мы часто обсуждали с русскими эту войну. Их вера в неизбежность окончательной победы воодушевляла нас... Стоя у окон вагона, мы с любопытством рассматривали проносящиеся мимо пейзажи, которые с высоты наших полетов виделись несколько иначе. Повсюду простиралась опустошенная войной выжженная земля. Она не сдавалась. А ее

убивали, как человека. В Смоленске оборванные немцы с потухшими взглядами расчищали дорогу. Ах, как не похожи они были на завоевателей. Но сколько России потребовалось приложить сил, чтобы наглые стали жалкими».

Конец цитаты Кюффо, далее слова самого М.И. Леденева.

Через наше село пролегала дорога, соединяющая Воронеж, Саратов, Сталинград... А мы – мал мала меньше, еще не годные ни к какой работе, вечно толкались здесь у обочины. Что притягивало?

Шли солдаты. А однажды, летом, со скатками, с винтовками, плечом к плечу, откуда-то из-за горизонта, коим прежде заканчивалась моя земля, шли и шли несколько дней и ночей непрерывно! Какие же мыслишки крутились в моей голове? Те же: неужели и эти не победят?! Эти... победили.

Наша полезность тут была ничтожна: сбегать за водой для раненых, помочь свернуть и прикурить цигарку... Мелочи все это для деревенских ребятишек, хотя и за них мы получали обычно очень щедрое вознаграждение – хлеб.

Теперь незачем лукавить, дело прошлое, не только потребность в таком общении притягивала нас к солдатам. Леон Кюффо рассказал курьезный случай, как однажды его товарища, возвращающегося вечером в солдатское общежитие, остановили неизвестные. Пилот подумал, что это патруль. И пока он предъявлял документы, у доверчивого парня «сперли из кобуры пистолет». Так бывало и у нас. Все стреляющее, что «плохо лежало», если оно помещалось в карман или за пазуху, немедленно туда перекочевывало. Мы были взрослее, чем о нас думали; мы готовились лично участвовать в войне, если она до нас докатится или мы успеем до нее дорасти. И такое у нас за воровство не считалось. Я уверен: если бы эта война и кончилась поражением, то ничуть не раньше и нашей гибели.

Пропаганда? Да какая там пропаганда! Я читать научился по немецким листовкам. Узнавал там, что мы, русские, почти что свиньи, что у нас в избе и теленок мочится на пол, тут же и ягнята, и козлята, и цыплята под кроватью. Оскорбляло ли это мои национальные чувства? Нисколько. Я потешался над немецкой глупостью: ну разве можно их, этих братьев меньших, оставлять в хлеву зимой, особенно на ночь? Да и какая ведь прелесть поиграть с козлятами вволю. Не верю, чтобы нынешние ребятишки отказались от такого удовольствия.

И долго еще для нас оставался главным наш пост у дороги. Его мы не покидали в 45-м и 46-м. Ждали победителей. В редкий день, редко по двое возвращались они по этой же дороге. И порой долго провожали мы их, идя отдалька, не теряя из вида. Плакали? Нет. Слезы, видно, перекипали в наших сердчишках. Должны же были оставаться в них какие-то зарубки?

Естественно, что для нас, подросших, не существовало вопроса о том, как работать. Изо всех сил. Мы должны были, наконец, обезопасить себя и страну. Припоминается написанная на фронтоне нашего сельмага фраза Сталина: «Когда мы станем выплавлять 70 млн. тонн стали, нам не будет страшен никакой враг». Прочитывалось это нами совершенно серьезно. Я не встречал человека в 50-е годы, который бы не верил в то, что мы «догоним и перегоним».

Отец мой, Иван Семенович Леденев, не прочитавший за свою жизнь ни одной книжки, отвоевал четыре года окопным солдатом и сержантом. Как всякий фронтовик, «хлебнувший горячего до слез» (его слова), он не любил разговоров о войне, тем более о храбрости и подвигах.

Но однажды, уже на склоне своих лет начал рассказывать: «Когда мы поняли, что война пошла на уничтожение России, то драка пошла страшная. Мы почувствовали: выжить на этой войне нельзя. И русский мужик озверел». И долго потом рассказывал жуткие эпизоды.

Спрашиваю мать: «Вот вы долбили окопы зимой у речушки Токай (полтораста верст от Воронежа). Что? Надеялись, ваши ямки остановят немецкие танки?»

– Надеялись и верили: за что-нибудь он, гад, зацепится, во что-нибудь наши мужики упрутся. Нельзя по-другому.

Гитлера победила голодная советская колхозница.

Как ни складывают историки века нашей истории, на круг выходит одно и то же – год воевали, год отдыхали. Да и что за битвы, особенно с кочевником, – бой выиграть можно, войну – никогда. Стоять надо было насмерть. Битвы за территорию, за жизнь, за самобытность. Прибавим к этому природу и климат, бесконечные миграции на тысячи верст, на миллионы квадратных километров. Все это и приказывало русскому человеку, как точно выразил В. Розанов одним словом, – служи!

Вот сенокос, не война. А выходят все, от мала до велика. Тяжелейшая работа, сто потов. Но... надевается лучшее, что есть. Праздник? Отчасти есть и это. Понять можно: после суровой длинной зимы видеть цветущее разнотравье! Но главное не в этом. В России, с ее капризным коротким летом, день год кормит. И если русский человек, поднимаясь в такой день, не жалеет гардероба, можно не сомневаться, себя в труде он не пощадит. Поймет ли это западник от рождения, воспитанный умеренным климатом и трудом размеренным? Не поймет: сытый голодного не разумеет. «Ни в чем русский человек меры не знает», – когда с упреком, когда с горечью говорят многие.

Общинность, коллективизм, сельский мир, государство – вот что веками лежало в фундаменте нашего общественного устройства, в сознании народа. Причина очевидна, и я о ней уже упоминал, – по-другому мы не выстояли бы, не выжили. И П.А. Столыпин, неустанно и систематически разрушая сельскую общину, должен считаться главным автором революции 1917 года, отнюдь не В.И. Ленин. Результаты известны. Современные демократы суть то же, что и П.А. Столыпин, за вычетом лишь искреннего столыпинского патриотизма, – они, стремясь в «цивилизованный мир», отбросили страну на десятилетия назад.

Звучит песня Б. Окуджавы:

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой,
С войной покончили мы счеты,
С войной покончили мы счеты,
С войной покончили мы счеты,
Бери шинель, пошли домой.

Война нас гнула и косила,
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына,
Четыре года мать без сына,
Четыре года мать без сына,
Бери шинель, пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
Опять, опять товарищ мой!
Скворцы пропавшие вернулись,
Скворцы пропавшие вернулись,
Скворцы пропавшие вернулись,
Бери шинель, пошли домой.

А ты с закрытыми очами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Вставай, вставай, однополчанин,
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель, пошли домой.

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой,
Неужто клясться днем вчерашним,
Неужто клясться днем вчерашним,
Неужто клясться днем вчерашним,
Бери шинель, пошли домой.

Мы все войны шальные дети,
И генерал и рядовой.
Опять весна на белом свете,
Опять весна на белом свете,
Опять весна на белом свете,
Бери шинель, пошли домой.
Бери шинель, пошли домой.